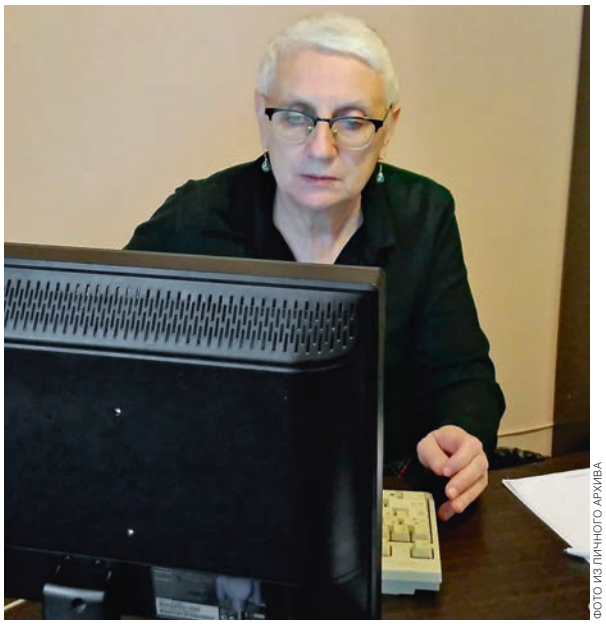

ФОТО ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ

Елена Шмелева,
кандидат филологических наук

Скоро мы будем поздравлять друг друга с новым две тысячи девятнадцатым годом. На Новый год люди обычно желают своим близким здоровья и счастья. *Здоровье* (*здравие*) — это, конечно, главное, мы его желаем по многу раз в день, когда здороваемся, мы говорим *здравствуйте* или, как в армии, *здравия желаю*, отвечаем *на здоровье*, когда нас за что-то благодарят; если кто-то чихнул, говорим *будьте здоровы*, да и главный русский тост — это *за здоровье*! Но сегодня я хотела обсудить с вами значение русского слова *счастье*, о котором подробно рассказано в книге Алексея Шмелева «Русская языковая модель мира». Кажется, что же в этом слове особенного, это старое русское слово, которое и так все знают. Но не все так просто. Я думаю, многие слышали, что время от времени разные социологические службы составляют «индексы счастья». Вот результат одного из таких опросов: *американский фонд World Value Survey (WVS) в очередной раз определил список самых счастливых стран мира. Наиболее счастливыми ощущают себя датчане. На втором месте — жители Пуэрто-Рико, на третьем — колумбийцы. Россия с ее нестабильным климатом и бурно развивающейся экономикой, по заключению WVS, находится на 88-м месте с коэффициентом счастья минус 1,01*.

К сожалению, авторы таких опросов не учитывают того, что в разных языках слово «счастье» имеет несколько разное значение. Современные толковые словари русского языка выделяют у этого слова два значения: чувство, состояние полного, высшего удовлетворения и успех, удача. В словаре Владимира Даля у слова *счастье* (*со-частье*, *доля*, *пай*) первое значение слова — рок, судьба, участь, второе — удача, успех и третье — благоденствие, благополучие, земное блаженство. Итак, в традиционной русской языковой картине мира *счастье* понимается как судьба или везение, когда *счастливо* складываются обстоятельства. *Счастье*-везение, целиком принадлежащее сфере «бытового», иллюстрируется такими примерами, как *монетка на счастье*; *счастливый случай*; *Ему улыбнулось счастье*; *Это счастье, что... Какое счастье!*; *Кто счастлив в картах, тот несчастлив в любви*. Оно не зависит от личных усилий и заслуг человека, ср. характерную пословицу *Дуракам счастье*. Поэтому рассчитывать на *счастье* в традиционной русской картине мира близко к тому, чтобы *надеяться на авось*, и подобно расчету на *авось* может оцениваться невысоко. Невысокая оценка *счастья* находит отражение и в литературе. Упомянем ироническое обыгрывание скептического отношения к *счастью*-удаче в рассказе Аверченко «О шпаргалке»: *Есть даже такие лица, которые отрицают пользу шпаргалок. Большей частью это лица, надеющиеся на свое счастье, но экзамены, как и всякая игра, тогда только и хороши, когда призывается на помощь счастью и некоторая заботливость, и труд. (Трудом мы называем добросовестное и тщательное изготовление шпаргалок по вышеприведенным образцам.) / А счастье, а русское знаменитое «авось» — вещи слишком гадательные, и не всегда они вывозят*.

Но скепсис по отношению к *счастью* распространяется и на *счастье*, понимаемое как «чувство или состояние полного удовлетворения». Как известно, Пушкин считал, что *на свете счастья нет*. Здесь существенно и то, что тема *счастья* в русской языковой картине мира неразрывно связана с темой *любви*. Именно в связи с *любовью* чаще всего говорят о том, что человек *счастлив*, как о его актуальном состоянии, как бы опровергая пушкинскую формулу. Приведем характерный диалог из романа Солженицына «В круге первом»: *...на одной из своих довоенных лекций,— а они тогда были чертовски смелые! — я развил элегическую идею, что счастья нет, что оно или недостижимо, или иллюзорно. И вдруг мне подали записочку, вырванную из миниатюрного блокнотика с мелкой клеточкой: / «А вот я люблю – и с ч а с т л и в а ! Что вы мне на это скажете?» / — И что ты сказал?.. / — А что на это скажешь?*

В то же время концепт *счастье* занимал важное место в советской идеологии. Стало общим местом крылатое выражение Короленко *Человек создан для счастья, как птица для полета*. Школьникам постоянно задавались сочинения на тему «Что такое счастье?»; при этом ожидаемый ответ был заранее известен: *счастье* отдельного человека могло состоять в самоотверженном труде, вносящем вклад в осуществление того, что наметили партия и правительство и что вело к достижению всеобщего *счастья* в будущем. К советскому времени нельзя было отнести фразу Пушкина: *На свете счастья нет*,— было положено считать, что *счастье* есть, но за это счастье надо бороться. Именно *счастье* было кульминацией того, что должен был в соответствии с положениями «Программы КПСС» установить на Земле коммунизм: «мир, труд, свободу, равенство, братство и *счастье* всех народов». При этом предполагалось, что частично это *счастье* уже достигнуто в Советском Союзе (можно вспомнить благодарность товарищу Сталину или партии за *наше счастливое детство*). Идеологема *счастья* вызывала отталкивание у людей, не принимающих советскую идеологию. *Мы, как известно, не гедонисты и отнюдь не созданы ни для счастья, ни для полета, ни для удовольствия*,— писала Надежда Мандельштам, в неявном виде полемизируя со ставшей крылатой мыслью Короленко. Показателен также диалог Нержина и Рубина в романе Солженицына «В круге первом»: *Мудрая этимология в самом слове запечатлела преходящность и нереальность понятия. Слово «счастье» происходит от се-часье, то есть этот час, это мгновение! — Нет, магистр, простите! Читайте Владимира Даля. «Счастье» происходит от со-частье, то есть кому какая часть, какая доля досталась, кто какой пай урвал у жизни. Мудрая этимология дает нам очень низменную трактовку счастья*.

Но все разнообразие различных суждений носителей русского языка о *счастье* — знак скорее идеологических, чем языковых расхождений. Все это разнообразие вполне укладывается в наше общее представление о *счастье* как о чувстве, когда человеку так хорошо, что он забывает обо всем — о болезнях, бедности, невыполненных обязательствах. Это очень редкое состояние, что особенно заметно на фоне аналогов *счастья* в других языковых картинах мира. Так, английское слово *happy* может использоваться в приземленных контекстах, когда говорить о счастье для русских было бы просто неуместно. Процитируем в этой связи небольшой отрывок из интервью с Кшиштофом Занусси, опубликованного в газете «Аргументы и факты» (2000, №31) и озаглавленного «Счастье — это рекламный трюк»: *Но слово «счастье» — опасное слово. Помню мои беседы с Тарковским в Америке. Мы говорили о том, что слово «счастье» в разных языках имеет разное значение. Например, у воздушной компании «Олимпик» есть лозунг «Все здесь счастливы». Андрей спросил: «Как можно говорить, что счастлива вдова, летящая этим самолетом?» Счастье по-английски значит, что кофе хороший, кресло удобно и температура приятна. Оно слишком сильно связано с рекламой. Для славянина счастье — эйфория, или покой, или только надежда, тогда и страдая можно быть счастливым человеком*. Вот еще одно наблюдение российской преподавательницы Веры Белоусовой, работавшей в американском университете: *Недавно я наблюдала любопытную сцену. Дело происходило на прощальной вечеринке по случаю отъезда московского математика, проработавшего в нашем университете несколько месяцев. Один из здешних профессоров задал ему очень типичный и эмоционально нейтральный вопрос: «So, were you happy in Athens?» (буквально: «Ну и как, вы были счастливы в Афинах?») Гость удивленно пожал плечами и ответил так: «Well... What's happiness?.. I was satisfied» (буквально: «Н-ну... Что есть счастье?.. Я был доволен»). После чего они с недоумением уставились друг на друга. Я почти уверена, что знаю, что происходило в эту минуту у каждого в голове. «С какой же легкостью эти американцы бросаются словом "счастье"!» — думал русский. «Как же русские любят разводить философию на пустом месте!» — думал американец. Что-то в этом роде, во всяком случае. А между тем все было значительно проще. Американское «happy» как раз и значило «вам понравилось?», «вы довольны?» — о счастье как таковом там речи не шло* (Новый мир, 2011, №2).

Поэтому неудивительно, что Россия в «индексах счастья» всегда находится на одном из последних мест. Само русское слово *счастье* имеет в русском языке другое, гораздо более «высокое» значение, чем, например, английское *happiness*. Кроме того, в русском речевом этикете не принято хвастаться и показывать довольство жизнью. Не случайно на вопрос «Как дела?» мы, как правило, отвечаем: «Ничего, нормально», а не «Прекрасно. Великолепно!», как американцы (*Fine*). Человеку, говорящему по-русски, кажется странным сам вопрос «Вы счастливы?»; тем более трудно ответить на него: «Да, конечно, счастлив!» Но я вам все-таки желаю в Новом году испытать это удивительное чувство!

> Именно счастье было кульминацией того, что должен был, в соответствии с положениями «Программы КПСС», установить на Земле коммунизм: «мир, труд, свободу, равенство, братство и счастье всех народов». При этом предполагалось, что частично это счастье уже достигнуто в Советском Союзе